

Улыбка авгура

Маленькие трагедии большой оперы

В день своего рождения художественный руководитель Мариинского театра Валерий Гергиев преподнес себе да и всем петербургским любителям оперы грандиозный подарок – премьеру оперы Михаила Глинки «Руслан и Людмила», осуществленную совместно с оперным театром из города Св. Франциска, что отделяет от Петербурга не только великий океан, но и не менее великий кусок суши. И пока режиссер спектакля – американец Лотфи Мансури – торопливо срывает ярлычок с ценой (по-нашему, дабы никто не смог увидеть истинную стоимость его подарка русскому театру и его дирижеру), взгляд остальных гостей невольно оценивает и сравнивает. И кто виноват, то на устах их застывает улыбка авгура.

Скупой рыцарь, или Скучно мне, читатель дорогой

Оговорюсь сразу, чтобы не было обид: под скупым рыцарем скрывается сам незабвенный автор оперы на пушкинский сюжет, столько лет потративший на его воплощение, а в результате выдавший «на гора» набор красивых арий, так ничем и не связанных с пушкинской поэмой. Что вполне естественно, если вспомнить, сколько народу приложило руку к сочинению одного либретто: кто походя, а кто и под пьяную руку. Да и самому Глинке, если судить по автобиографическим заметкам композитора, все время было не до оперы. И вместо насыщенного эротикой и юмором «Руслана» пушкинского получился нудный великан, спору нет, являющий несколько запоминающихся мелодий в духе столь презираемого самим Глинкой Мейербера. Кстати, в большинстве наших театров и без того поют на языке, близком к французскому, так что никто и не отличит в этой опере русского композитора от иностранного. Глинка, так скупой расточавший свой талант, и представить не мог, что из его опер, написанных с оглядкой на Беллини и Доницетти, но всегда именуемых «первыми русскими», вырастут по-настоящему русские оперы, которые не стыдно будет давать вместе с шедеврами Монтеверди, Моцарта или Вагнера. Но и тут разделение налицо: от эпической драмы «Жизнь за царя» дорога ведет к «Борису Годунову» Мусоргского, а «Руслан» становится прародителем сказочных сюжетов Римского-Корсакова, композитора, которого при всем уважении к нему нельзя поставить на одну доску с Мусоргским. Но опера есть театр, в котором так много зависит и от других создателей спектакля. И право же, удастся Роберту Уилсону находить новые подходы к сентиментальной «Мадам Баттерфляй», а Джону Дью – превращать в истинный шедевр оперную вампуку Мейербера.

Моцарт и Сальери, или Пробил час торжества моего

Торжествующая благодарность, от козней которой гибнет талант, – это и символ нового спектакля Мариинского театра, в котором опытный дирижер и театральные администратор Валерий Гергиев пытается взаимодействовать с потусторонним миром посредством американского медиума. В глубоком, насыщенном, чрезвычайно объемном звучании оркестра, которое действительно приближает его к европейскому уровню, итальянская порывистость музыки Глинки, увлеченность самим процессом вокализации, его предельная чувственность становятся главными и достойными самого глубокого уважения достижениями спектакля. Не устаю поражаться, как много новых музыкальных находок в исполнении оркестра под управлением Гергиева (как тут не вспомнить, когда накануне премьеры петербургский дирижер пытался выжать хотя бы тонкое *piano* из светлановского оркестра при исполнении шлягерных вагнеровских увертюр: родных коллег-музыкантов ему больше всего не хватало в тот вечер!), как необычны, но тщательно продуманы темпы, как дирижер-перфекционист все время занят поиском новых глубин в исполняемом музыкальном произведении. Вот только отравлено все это трупным ядом старой, девятидесятилетней давности концепции и слабым пониманием медиума-режиссера, который сам вместо экстатического состояния впал в духовный и интеллектуальный анабиоз.

Каменный гость, или Дела давно минувших дней

Не мог я себе и представить, что после прошлогодней постановки «Садко» в декорациях Коровина – спектакля, которому так и не удалось избавиться от неистребимого запаха старья, – театр вновь попытается восстановить что-нибудь из «вечного». Здесь я имею полное право отослать читателя к своей рецензии на «Садко», но все же повторюсь. Можно брать декорации Коровина и Головина из спектакля 1904 года (кстати, на этот раз мастерски восстановленные бельгийским театральным художником Тьерри Боске, но грубо освещенных Владимиром Лукасевичем) и прибавлять к ним фокинскую хореографию 1917-го, но только вместе с режиссером, который из яркости и декоративности картонок и бутафории великих русских живописцев будет пытаться если не создавать взгляд человека нашего времени, то хотя бы искать созвучное. В любом

другом случае спектакль будет выглядеть старым музейным экспонатом, расцвеченной японской ширмочкой, которые так любили во времена величия модерна. Или спекуляцией дорогими и важными для русской культуры именами, которая ассоциируется с еще одним шедевром той же эпохи – отелем «Метрополь», который предлагает посетителям уникальную возможность откусать в залах, носящих имена писателей: картошка в мундире «от Толстого» или пулярка мадо «от Булгакова». Иначе на спектакли Мариинского театра в приличном музыкальном центре Европы будут бегать, как на выставку бронзоваврских костей. Впрочем, в концепцию оперного театра на океанском побережье он впишется прекрасно. Здесь публика тоже отмечает работы режиссеров-новаторов и отдает предпочтение вампучной «большой опере», приправленной участием «большой звезд». В чем большая заслуга главного режиссера Лотфи Мансури: посмотрев несколько видеозаписей его спектаклей, любой поймет, что режиссерскому таланту этого господина давно пожал руку каменный гость.

Пир... или Она мне жизнь, она мне радость

И все же этот абзац следовало назвать *hommage a Larisa Djadkova*. И вот почему. Озвучить полный итальянский набор голосов оперы Глинки (от колоратурного сопрано до комического баса) на соответствующем уровне сейчас в России под силу только Мариинскому театру. Среди явных его фаворитов, выходящих на мировые орбиты, имя Ларисы Дядьковой в последнее время звучит не слишком часто. Безупречность и тонкость ее вокализации, красивый, насыщенный тембр ее меццо-сопрано, блестящее актерское дарование, не позволяющее певице даже секунды существовать на сцене вне образа, наличие вкуса и опыта позволили Дядьковой сделать работы последних сезонов – Нежата в «Садко», Кащеевна в «Кащее Бессмертном», Алконост в «Китеже» – значительными событиями в истории оперных спектаклей Мариинского. Ратмир в исполнении Ларисы Дядьковой стал по праву главным действующим лицом спектакля, центром музыкальной вселенной, выстроенной Гергиевым.

Во время... или Ночь обольщения

Последняя сценическая премьера в этом сезоне в театре, который

занимает вершину оперного Олимпа России, наводит на некоторые размышления. К лидерам всегда отношение самое критическое, а уж к Мариинскому театру, часто сравниваемому с лучшими европейскими сценами, – тем более. Четыре полноценные премьеры этого сезона не принесли удовлетворения оперным гурманам (так быстро!) к неординарным режиссерским концепциям на сцене этого театра. Приглашение в театр режиссеров второго плана, русских или зарубежных, обеднило этот сезон, не принеся удовлетворения ни на одной из четырех премьер. Возрастающий во всем мире интерес к Мариинскому театру может ведь и заглухнуть, если на этой сцене перестанут появляться интересные спектакли, все больше будет увеличиваться пропасть между «моцартианством» оркестровой ямы и «сальтеризмом» сцены. И все же приятно видеть и у нас театр, который выдает даже не одну премьеру в сезон. Вот только для артистов – это следует признать – чрезмерная нагрузка: ни один из театров не делает столько премьер с одним составом. Может быть, потому столь любимые мною артисты, выучивающие каждый сезон по три-четыре партии, к концу сезона выдыхаются: Владимир Огновенко с трудом справляется с партией Руслана, путаясь в непростых темпах дирижера, Галина Горчакова пропевает партию Гориславы без намека на вокальные и сценические нюансы, Геннадий Беззубенков уничтожает рондо Фарлафа своим невнятным шепотом, а Константин Плужников в партии Финна вообще выдает не очень молодых «петушков». Потеря самых лакомых кусочков обедняет и без того небогатое глинковское меню, что не делает чести лучшему оперному театру.

...Ночь обольщения, ночь самообмана. Она захлестывает зрительный зал, рукоплещущий красивым картинкам на сцене и шепчущий уже в который раз в этом сезоне «Замечательная сказка для детей!» Ночь обольщения, ночь самообмана не оставляет в покое и многих критиков, торопящихся протрубить очередную победу Мариинского. И разве виноваты все те, кто склонен к самокопанию? Разве их беда – эта не сходящая с уст улыбка авгура?

Вадим Журавлев, «Независимая газета», 13 мая 1994 года